

3. Уилер Маркус. Оксфордский Русско-Английский Словарь, -М.: Баркляя и К°, 1993.
4. Chapman Robert. American Slang. -New York, Perennial Library, 1987.
5. New Webster's Dictionary. Delhi, Surgeet Publication, 1988.
6. Lochet Brian. Beyond the Dictionary. -М.: Глосса, 1998.

К ПОНЯТИЮ ИМПЛИЦИТНОГО СУБЪЕКТА В СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Н.И.Дзенс
Белгород

Имплицитные элементы содержания получают “права гражданства” в синтаксической теории в 60-80е гг., с развитием новых методов семантического анализа в рамках таких школ и направлений, как семантический синтаксис, функциональная грамматика, прагмалингвистика, теория речевой деятельности, теория речевых актов и др. Занимаясь сопоставительным изучением поверхностной и глубинной структуры синтаксических единиц, исследователи наряду с анализом лексических и грамматических значений языковых единиц, составляющих грамматическую структуру предложения (т. наз. формальной/формально-грамматической семантики) обращаются к учету структуры отражаемой в предложении реальной, денотативной ситуации (т.е. функциональной/глубинной семантики). Сопоставительный анализ элементов поверхностной и глубинной структуры предложения с учетом механизмов кодирования/декодирования информации обнаруживает наличие значительных различий парадигматики и синтагматики предложения, принципиальную асимметрию формы и содержания, рассматриваемую в настоящее время в общем языкознании в качестве основополагающего признака любого языкового знака (т. наз. “асимметрический дуализм” языкового знака). Частным случаем асимметрии формально-грамматической и функционально-семантической структуры предложения является “прирост информации” на уровне семантики: в структуре денотативной ситуации выявляются компоненты, не имеющие своего непосредственного экспонента в формально-грамматической структуре, однако репрезентируемые косвенно всем строем предложения и/или его отдельными компонентами. В лингвистике формируются понятия эксплицитных и имплицитных элементов предложения (последние обычно трактуются как “скрытые”, семантические, понятийные, реже - логические категории).

Одной из подобных “скрытых” категорий в синтаксисе является имплицитный субъект. Данный термин уже утвердился в синтаксической теории, чего не скажешь о термине “имплицитно-личное предложение”, который еще

весьма робко звучит в теоретических работах и не занял своего места в мета-языке семантического синтаксиса. Однако обращение к анализу имплицитных субъектных элементов предложения имеет давнюю традицию и характерно уже для ранних этапов развития сравнительно- исторического языкознания. На начальной ступени формирования лингвистики, “отпочковавшейся” в XIX в. в качестве самостоятельной науки от всеобъемлющей философии, субъект и предикат в течение долгого времени трактуются как две основополагающие логические категории, составляющие ядро предложения-суждения (ведь даже в школьных учебниках вплоть до 70-80-х гг. нашего века подлежащее трактовалось как “то, о чем говорится в предложении”, а сказуемое - как “то, что говорится о подлежащем”)¹. Психологический подход к трактовке предложения (также XIX в.), стремящийся дать дефиницию, приемлемую не только для двусоставных, но также и для односоставных предложений (последние “выпадали” за рамки логического определения предложения-суждения), кладет в основу предложения психологическое суждение, ядро которого составляют субъект как первичное и предикат как вторичное представление говорящего об отображаемой в предложении ситуации. Ни логическая, ни психологическая трактовки субъекта (соотв. предиката) не учитывали лингвистического фактора: в качестве логического (соотв. психологического) субъекта или предиката может рассматриваться любой член предложения, а согласно психологической концепции - также и не выраженные эксплицитно представления: так, в односоставном предложении *Feuer!* Г.Пауль трактует в качестве психологического субъекта представление говорящего об объективной ситуации (эксплицитный элемент предложения трактуется при этом как психологический предикат), а в предложении “*Пимы он привез из тундры*” современный сторонник психологического направления С.Д.Кацнельсон в качестве семантического субъекта рассматривает элемент в позиции темы, т.е. грамматический объект (“*пимы*”). Заслугой психологического подхода является обращение к учету объективной, реальной ситуации и к “неявным” элементам содержания высказывания. Именно лингвистам психологического направления принадлежит дальнейшая дифференциация т. наз. “бессубъектных” (в иной терминологии - “бесподлежащих”, “безличных”) предложений, выделяемых первоначально на основе собственно-лингвистических, т.е. формально-грамматических признаков: “наличие/ отсутствие субъекта (подлежащего)”, “наличие/отсутствие категории (т.е. оппозиции трех форм) лица у глагола-сказуемого”. Опираясь на понятия “грамматического субъекта/подлежащего” и “психологического субъекта/подлежащего”, они намечают разграничение бессубъектных/ безличных/бесподлежащих предложений на “предложения с оттенком *man*” (А.А. Потебня), или *man*-Sätze (Ф. Миклошич) и на “предложения с оттенком *es*” (А.А.Потебня), или *es*-Sätze (Ф.Миклошич), - на основании того, что в *es*-Sätze субъект/подлежащее отсутствует как в структуре предложения, так и в структуре “грамматической мысли”, а в *man*-Sätze субъект (точнее, имя субъекта) от-

существует в структуре предложения либо представлено неполнозначными местоимениями (*man, on, one* и др.), но отсутствует в “грамматической мысли” (как некое одушевленное лицо), при этом в качестве индикаторов субъектности рассматриваются семантика глагольной лексемы и наличие реального деятеля в структуре отображаемой в предложении денотативной ситуации. На основании учета семантических факторов в рамках психологического направления отмечается также асимметрия формы и содержания “предложений с оттенком *es*” (*es-Sätze*): наряду с абсолютно-бессубъектными структурами (в которых субъект “устранен” как из предложения, так и из мысли), наличествуют относительно-бессубъектные конструкции, в которых одушевленный субъект представлен либо имплицитно, либо посредством косвенно- или предложно-падежных форм (Д.Н. Овсяннико-Куликовский). Однако косвенные формы выражения носителя действия не получают статуса семантического субъекта, поскольку при выявлении типологии простого предложения было выдвинуто принципиальное положение: учитывать собственно лингвистические характеристики элементов предложения, исключая внеязыковые факторы. Таким образом, оппозиция типов предложения по признаку эксплицитности/имплицитности субъекта и дифференциация вариантов “бессубъектных” предложений, выявленных на основе учета характера имплицитного семантического субъекта (“устраненного” из поверхностной структуры предложения, но в различной степени проявляющегося в “грамматической мысли”, т.е. в сознании коммуникантов), получают свое обоснование на основе формально-грамматических (парадигматических) критериев: значения лексемы в позиции подлежащего (в двусоставных предложениях) и отношения глагольного сказуемого к категории лица. В соответствии с этими критериями личные предложения характеризуются как грамматические структуры с эксплицитно выраженным полнозначным именем в позиции подлежащего и глагольным сказуемым, обнаруживающим полную парадигму форм лица; неполные личные предложения рассматриваются как вариант личного предложения *so* “случайно” опущенным и легко восстанавливаемым из контекста субъектом-подлежащим (ср.: “*Иду, иду!*”); неопределенно-личные предложения, в отличие от неполных личных, являются специфическим типом предложения с “сознательным” отказом от упоминания деятеля (в славянских языках) или с неполнозначной подлежащей лексемой антропоморфной семантики *man, on, one* (в романских и германских языках), а также с глагольной словоформой третьего лица ед. или множ. числа, не дающей представления о “реальном” лице и числе “устраненного” из грамматической структуры субъекта. Формально-структурный характер носит также и дефиниция обобщенно-личного предложения в русском языке: сюда относятся односоставные предложения с глагольной формой второго лица ед. числа, в которых “устранение” подлежащего также носит “сознательный”, а не “случайный” характер и служит для возведения личных наблюдений и размышлений в ранг обобщения. Абсолютно-

безличные предложения предстают как высказывания с субъектом, “устраненным” как из поверхностной, так и из глубинной структуры, и со сказуемым в форме третьего лица ед. числа, фактически “выпадающим” за рамки категории лица в силу отсутствия оппозиции трех категориальных форм, вследствие чего соответствующие “одноличные” глаголы фактически являются “безличными” (данная типология предложения по прознаку лица принадлежит А.М.Пешковскому, развивавшему идеи своих предшественников: А.А.Потебни, Д.Н.Овсянико-Куликовского, Ф.Ф.Фортунатова).

В течение нескольких десятилетий семантический анализ предложения находится в плену этой формально-грамматической семантики в связи с отождествлением поверхностной и глубинной структуры высказывания и некритическим переносом характеристик, постулируемых на уровне парадигматики различным типам личных и безличных предложений, на уровень денотативной и коммуникативной ситуаций (т.е. на уровень синтагматики): структурная “определенность” (т.е. эксплицитная выраженность полнозначным именем в именительном падеже) грамматического субъекта в личных/субъектных предложениях трактуется как определенность, известность семантического субъекта (в связи с чем этот тип предложений впоследствии конкретизируется термином “определенно-личное предложение”, а понятие “личное предложение” обретает “родовой” характер и служит для обозначения всех типов личных предложений); структурная “неопределенность” грамматического субъекта, т.е. невыраженность в поверхностной структуре предложения или репрезентация посредством неполнозначной лексики с семантикой антропоморфности (одушевленности), “затушеванность” лица (морфологического!) в силу несоответствия “лица грамматического” и “лица реального” в рамках неопределенно-личных предложений истолковываются как неопределенность, неизвестность реального деятеля, “устранение”, “затушевывание” семантического субъекта (Структурный признак “сознательного устранения” грамматического субъекта в неопределенно-личных предложениях, в отличие от его “случайного устранения” в неполных личных, получает в работах лингвистов 60-80х годов истолкование в коммуникативном плане: как “сознательное”, “намеренное”, “умышленное” завуалирование / затушевывание “деятеля-лица”). И странным кажется тот факт, что исследователи длительное время не замечают или обходят вниманием многочисленные случаи асимметрии формы и содержания высказываний, возникающих в процессе речевой реализации моделей личных / безличных предложений. Так, в целом ряде определенно- и неопределенно-личных предложений характер “онтологического”, реального субъекта фактически одинаков, ср.: *“Ему вчера сделали операцию”* - *“Врачи сделали ему вчера операцию”*; *“В коллективе его уважают”* - *“Коллектив его уважает”*. Далее, в целом ряде безличных и определенно-личных предложений семантический субъект получает репрезентацию посредством второстепенных членов предложения, однако “права легитимности” первоначально признавались лишь за

субъектными / “агентивными” дополнениями (в русском языке - творительный падеж, в немецком языке - предложные группы von + Dat, durch + Akk); в 60-70е гг. постепенно получает признание “дательный / винительный субъекта” в “безличных агентивных” / субъектных, т.е. относительно-безличных, предложениях (ср.: *Меня знобит - Mich friert; Мне страшно - Mir grauset's*), позднее статус семантического субъекта признается за “творительным субъекта” в предложениях типа “*Течением унесло лодку*” - ср.: “*Течение унесло лодку*”, “*Его ударило бревном*” - ср.: “*Его ударило бревно*” (в примерах второго типа имеет место “грамматическая метафора”, позволяющая моделировать “действия” неодушевленных субъектов по аналогии с деятелями антропосферы).

Главным достижением семантического подхода к анализу синтаксических конструкций, породившего многочисленные школы со своими методами анализа и терминосистемами, являются, на наш взгляд, следующие положения: а) раздельное рассмотрение поверхностной и глубинной структуры предложения, с дальнейшим сопоставлением парадигматических и синтагматических характеристик языковых единиц с целью выявления отношений симметрии / асимметрии обоих планов (в силу чего исключается возможность подмены семантического анализа формально-грамматическим); б) обращение к учету условий коммуникативной ситуации: “реконструкция” (на основе данных конституации) характера взаимоотношения коммуникантов в конкретном акте устного или письменного речевого общения, учет их “информационных запасов”(в иной терминологии: энциклопедических, или фоновых знаний, социокультурных программ), накопленных индивидом в процессе социализации и обуславливающих процессы кодирования / декодирования информации языковых единиц. учет коммуникативной интенции отправителя речи (установки на степень полноты информации о той или иной денотативной ситуации, а в нашем случае - о реальном деятеле) и коммуникативной компетенции адресата (его осведомленности о конкретной денотативной ситуации), анализ соответствия / несоответствия коммуникативных установок адресантов “конверсационным максимум”, т.е. законам / принципам речевой коммуникации как вида социальной деятельности.

Итогом семантических исследований последних десятилетий в области синтаксиса является признание “равноправия” лингвистических и экстралингвистических элементов содержания, эксплицитных и имплицитных, прямых и косвенных форм репрезентации семантического субъекта в структуре предложения. Фактически общепризнанным является в настоящее время факт асимметрии типов предложения, классифицируемых на основании формально-грамматического признака лица: так, структурно определенно-личные предложения способны в семантическом плане представлять свои субъекты также и в неопределенно- или обобщенно-личном аспекте (*Люди говорят, Кто-то сказал, Человек смертен*), а также обозначать безличные, стихийные процессы,

выступая - по определению Т.Б.Алисовой - в качестве некоего нерасчлененного семантического “субъектопредиката” (*Гром гремит, Идет дождь* - ср. лат. *tonat, pluit*, нем. *Es donnert, Es regnet*); структурно неопределенно-личные предложения могут репрезентировать на семантическом уровне также и обобщенно- или определенно-личные субъекты (*Wenn man hobelt, fallen Späne* - ср.: *Лес рубят - щепки летят*; /Старейшина упрекает Карла Великого, не внявшего его совету, но принявшего совет юного воина/: “*Wie man die tumbistin firnimt!*” (Rolandslied) = Так вот как нынче внимают юнцам!); структурно безличные предложения обретают на уровне синтагматики, в сочетании с личными глаголами, способность представлять действия одушевленных субъектов, присутствующих в структуре предложения эксплицитно или имплицитно (*Боязно / Мне боязно: У волка идено по дороге, Похожено коло моря киньми; Hier wird (von den Jugendlichen) getanzt; Es wird sich nicht gernt (bei uns) daran erinnert; Es klopfte an die Tür; Ez starp umberal umb Nurenberg* = досл: *Вкруг Нюрнберга мерло*) и т.д.

Обращение к анализу семантического субъекта как “участника” денотативной ситуации ставит исследователей перед необходимостью выявления его типов и описания его функций на метаязыке семантики. Для анализа эксплицитного семантического субъекта, репрезентируемого в предложении посредством прямой или косвенной номинации, широко используется классификация, разработанная в 60-70е гг. XX в. в рамках т.наз. “падежной / ролевой грамматики” (в работах Ч.Филлмора, У.Чейфа, Дж.Андерсона, Г.Хельбига и др.) в терминах “семантический падежей / ролей” (ср. также: Kasus- / Subjektrollen, propositionale Kasus) с целью разграничения структурно-грамматических значений (“грамматических падежей”) и семантических функций (“семантических падежей”) синтаксических единиц. Так, на основании учета отношения субъекта к предцизируемому ему глагольному признаку различаются такие типы семантических субъектов и соответствующих им семантических падежей, как: агентс (агентив = семантическая роль агенса как активного одушевленного субъекта), экспериенцер, или перципиенс (экспериенсив, или аффектив = семантическая роль субъекта чувственного восприятия), бенефициант, или реципиент, адресат (бенефактив, или реципиенс = семантическая роль субъекта - получателя), посессор (посессив = семантическая роль субъекта обладания), детерминант/детерминат (определяющий, описывающий/ определяемый, описываемый субъект), Attribuant/Attribuant (квалифицирующий, характеризующий/квалифицируемый, характеризуемый субъект), элементив (стихийные силы природы), экзисциенс (субъект существования), медиатор (медиатив = семантическая роль субъекта-посредника)² и т.д.

Данная типология приемлема и для анализа имплицитных семантических субъектов, однако этими характеристиками не исчерпывается их специфика. Применительно к классификации имплицитных субъектов (к числу которых относятся только одушевленные деятели) исследователи настойчиво предлага-

ют параметр определенно-/неопределенно-/обобщенно- личности, однако критерии разграничения соотносительных грамматических и семантических категорий фактически не разработаны. Не представляется убедительной дифференциация грамматических субъектов по признаку определенности/неопределенности, а семантических субъектов - по признаку известности/неизвестности (А.Руссу, А.П.Евсюков)³, поскольку грамматическая определенность субъекта (т.е. эксплицитная выраженность лексически полнозначной лексемой) не всегда свидетельствует об известности реального деятеля, и точно так же грамматическая определенность субъекта (т.е. имплицитность, эксплицитная невыраженность или репрезентация посредством лексически неполнозначной, десемантизированной лексемы) далеко не всегда обусловлена неизвестностью носителя действия в денотативной ситуации: анализируемый нами материал показал, что случаи "абсолютной" неизвестности семантического субъекта в рамках имплицитно-личных предложений довольно немногочисленны.

Нам представляется целесообразной классификация семантических субъектов на основе учета не только коммуникативной интенции говорящего (в нашем случае - степени осведомленности адресанта о семантическом субъекте в описываемой денотативной ситуации и установки на степень полноты информации о нем), но и социокультурных программ, энциклопедических знаний обоих коммуникантов, обуславливающих процессы кодирования/декодирования сообщаемой информации: в процессе построения речевых сообщений адресант несомненно ориентируется на информационный фонд ("банк данных") адресата речи, эксплицируя неизвестное и "уводя" на уровень имплицитного известные адресату "блоки" информации. В процессе анализа имплицитно-личных предложений (ИЛП) с неопределенным семантическим субъектом обращает на себя внимание тот факт, что в них субъект (деятель) во все не "загушевается" (тем более - "умышленно"!), а предстает в "облачении" некоторой функции, выступая в качестве члена определенного "ролевого" коллектива, социальной группы, осуществляющей репрезентируемое глаголом действие в конкретном "кусочке" реальной действительности, "вырезанном" предложением из пестрой картины социального бытия (в численном плане количество реальных деятелей является неопределенным и, по наблюдениям Г.Ф.Низяевой, колеблется между точками "кто-то - некоторые/многие - все" на оси неопределенно-личности), ср.: *Зазвонили к заутрене, Уже начали косить рожь, В первом классе уже начали читать "Родную речь", Не носят нынче кружев, Раньше родителей больше уважали* (и даже нелогичная, абсурдная фраза из "Записок сумасшедшего" Н.В.Гоголя - *"Луна нынче делается в Гамбурге, и к тому же прескверно делается"* - намечает социальную роль критикуемого говорящим субъекта действия). Как явствует из приведенных примеров, осознание социальной роли субъекта, без его индивидуализации и численной конкретизации, является достаточно полной инфор-

машней для конкретной денотативной ситуации, репрезентируемой в рамках ИЛП, и для конкретных условий речевой коммуникации, социальная функция которой заключается в обслуживании предметной деятельности членов социума с целью обмена информацией (знаниями, мнениями, оценками, гипотезами и т.п.) с той степенью полноты, которая необходима для конкретного акта социального и речевого взаимодействия коммуникантов как социальных субъектов (“сокрытие” информации представляет собой лишь частный случай функционирования ИЛП с неопределенным субъектом). Критерий “социальной роли” применим также к обобщенно-личным вариантам ИЛП, в них ролевые группы субъектов предстают на оси неопределенности в точке “все”, в силу чего становятся очевидными причины дискуссий по поводу целого ряда высказываний, относимых одними к числу неопределенно-личных, другими - к числу обобщенно-личных предложений: степень обобщенности субъекта может быть различной, поскольку некоторые высказывания “типизируют”, обобщают действия представителей определенной ролевой группы, а другие констатируют факты, типичные для представителей всех ролевых групп, т.е. для всех людей, при этом действия определенной социальной группы нередко могут возводиться в ранг “абсолютной” обобщенности вследствие образного переноса (ср.: *Не посят нынче кружев, Луна делается в Гамбурге...Лес рубят - щепки летят, Цыплят по осени считают*). В терминах социальных ролей возможно также и описание определено-личных семантических субъектов, при этом субъект выступает в рамках ИЛП как некоторый конкретный эмпирический индивид, отдельная личность с ее “уникальным” репертуаром социальных ролей и неповторимой личной единичностью, однако подобное осмысление определенного субъекта требует однозначного предконтекста, исключающего присутствие в денотативной ситуации обобщенно-личного ИЛП других субъектов. Преимуществом ИЛП является возможность “смешанной” репрезентации субъектов: в денотативной ситуации ИЛП репрезентация семантического субъекта может совмещать оттенки определенности и неопределенности, определенности и обобщенности (ср., в частности, данный выше пример из “Песни о Роланде”), а в некоторых ситуациях возможно “присутствие” нескольких и даже многих субъектов, как в индивидуализированном, так и в социально-групповом “ракурсе”. В тех же случаях, когда адресант не уверен в полноте раскрытия адресатом субъектной сферы ИЛП, он дает в постконтексте перечисление действующих лиц, “скрывавшихся” за имплицитной “формой” репрезентации (в одном из древних немецких текстов такое перечисление заняло более 10 строк). “Социальная роль” как имманентный признак ИЛП интуитивно осознается коммуникантами в процессе общения: так, О.Есперсен, отмечая “полное отсутствие” семантического субъекта в двучленных пассивных конструкциях типа *“The murder was caught yesterday”* (*Преступник был схвачен вчера*), отмечает попутно, что адресату безразлично, какой полицейский (!) поймал преступника. (Как видим, “безразличный” адресат осознает таки социально-групповую

принадлежность реального носителя действия на прагматическом уровне).

Классификации социальных ролей и социальных (ролевых) групп разработаны в многочисленных трудах по социологии, однако в канве лингвистических построений они претерпевают определенные модификации. Так, в анализируемом нами материале выявлены следующие социально-ролевые группы (РГ) неопределенно-личных субъектов: статусные РГ (классово-иерархические и социально-стратификационные, профессионально-должностные, территориально-этнические, "малые" статусные: биологические, психологические, семейные, контактные, культурные, досуговые и пр.), позиционные РГ (предполагающие конфронтацию ролевых позиций: учитель - ученик, родители - дети и т.п.), ситуационные/бытовые РГ (коллективы случайного, временного характера: клиенты, покупатели, попутчики и т.п.), неопределенные РГ (в ситуации возможно участие представителей одной, нескольких или всех РГ, участвующих в соответствующей ситуации, однако предконтекст не дает на это никакого указания), неизвестные РГ (неизвестный деятель)⁴.

Специфика имплицитно-личных предложений должна стать предметом специального исследования применительно к каждому конкретному языку (поскольку структурные типы ИЛП идиоэтничны).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В связи с ограниченным объемом публикации здесь и далее ссылки на источники даются весьма скупо. Более обстоятельный анализ проблемы и библиография содержатся в работах: Н.И.Дзенс. Категория неопределенного субъекта в немецком языке средневерхне-немецкого периода (12-13 вв.) - Дис. ... канд. филол. наук. - Ленинград, 1979. - С. 8-35; Н.И.Дзенс. Типология предложения на уровне языка и речи. // Семантика лингвистических единиц в языке и речи (тексте): Межвузовский сборник научных трудов. - Курск, 1990. - С. 18-28.
2. См: Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советская Энциклопедия, 1990. - С. 356-357. Следует отметить, что число семантических падежей в работах по семантике довольно велико (более 100) и их дефиниции порой неоднозначны и даже противоречивы.
3. Дискуссии вокруг проблемы определенности/неопределенности/обобщенности в философии и лингвистике рассматриваются нами в работе "Роль прагматического фактора в интерпретации семантического субъекта простого предложения" // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: Сборник научных трудов. - Белгород, Изд-во БГУ, 1996. - Выпуск II. - С. 17-27).
4. Более подробно ролевая репрезентация субъектов ИЛП рассмотрена нами в работе: N.Dsens. Zum Problem des semantischen Subjekts / Sprache. System und Tätigkeit. - Bd 2: Sprachsystem und sprachliche Tätigkeit. - Frankfurt am Main/Bern/New York/ Paris: Peter Lang, 1991. - S. 87-100. См. также: Роль прагматического фактора., С. 25-26; Категория неопределенного субъекта., С. 38-82, 134-145, 152-163.